

Семенов Александр Альбертович**Semenov Aleksandr Albertovich**

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Армавирского механико-технологического
института (филиала) Кубанского государственного
технологического университета

D.Phil. in History, Professor,
Head of the Department of Humanities,
Armavir Institute of Mechanics and Technology
(branch) of Kuban State Technological University

Карапетян Елена Аветиковна**Karapetyan Elena Avetikovna**

кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Армавирского механико-технологического
института (филиала) Кубанского государственного
технологического университета

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Humanities,
Armavir Institute of Mechanics and Technology
(branch) of Kuban State Technological University

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВ МИРОВОСПРИЯТИЯ КАЗАЧЕСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

THE IMPACT OF EVERYDAY FACTORS ON THE SOCIAL AND CULTURAL FOUNDATIONS OF THE NORTH CAUCASUS COSSACKS' WORLD PERCEPTION

Аннотация:

В статье предпринята попытка изучить влияние факторов повседневной жизни на формирование мировосприятия казачества Северного Кавказа. Повседневная жизнь казачества на Северном Кавказе представлена бытом, земледелием, скотоводством, садоводством и другими видами хозяйственно-экономической деятельности, военной службой, общественной организацией, обрядами и ритуалами, духовными и конфессиональными практиками. Особенности повседневной жизни и быта казаков Северного Кавказа повлияли на формирование у них специфического мировоззрения. Казак должен был постоянно существовать в двух ипостасях: с одной стороны, как землепашец и хозяйственный работник, а с другой – как воин, находящийся на государственной службе. Присутствие этих двух начал в казачьем быте и повседневной жизни приводило к формированию специфических взглядов на окружающий мир и свое место в нем. Цель работы состоит в выявлении основных характеристик и особенностей повседневной жизни и быта казачества, а также связанных с ними представлений общественного сознания казачьего населения Северного Кавказа, выраженных в мировоззрении и мировосприятии казачеством окружающей действительности. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении вопроса о непосредственной связи повседневной жизни казачества Северного Кавказа с представлениями общественного сознания, его мировоззрением и мировосприятием, системой ценностей. Практическая значимость исследования определяется тем, что его опубликование будет способствовать лучшему пониманию этнокультуры и образа жизни казачьего населения Северного Кавказа.

Ключевые слова:

повседневная жизнь, казачество, Северный Кавказ, социокультурная среда, мировоззрение, мировосприятие.

Summary:

The study attempts to examine the impact of everyday factors on the development of the world perception by the North Caucasus Cossacks. Everyday life of the Cossacks in the North Caucasus included household activities, farming, cattle breeding, gardening and other types of economic activities, military service, community organizations, rites and rituals, spiritual and religious practices. The aspects of daily life and routine of the North Caucasus Cossacks led to their specific worldview formation. The Cossack had to constantly act as a farmer and a farm worker, on the one hand, and as a warrior in public service, on the other hand. These two principles in the Cossack real life resulted in the development of specific views on the world and their place in it. The purpose of the study is to identify the main characteristics of the Cossacks' everyday life and the views on it in the public mind of the North Caucasus Cossack population expressed in the worldview and world perception of the surrounding reality by the Cossacks. The scientific novelty of the research lies in the consideration of the direct relationship between the daily life of the North Caucasus Cossacks and the ideas of public consciousness, its worldview, world perception, and value system. The research findings will contribute to a better understanding of ethnic culture and lifestyle of the Cossack population in the North Caucasus.

Keywords:

everyday life, Cossacks, North Caucasus, social and cultural environment, worldview, world perception.

Казаки являются потомками беглых русских крестьян и степняков, которые во времена раннего Средневековья селились в юго-восточной части будущей Российской империи, чтобы там жить «вольным порядком». Часто это были крепостные, представители обедневшего дворянства,

оброчные и другие отверженные обществом. По одной из версий название «казак» происходит от турецкого слова *qazzaq*, что означает 'авантюрист' или 'свободный человек'. На Северном Кавказе казаки издревле были представителями военно-служилого сословия, которое занималось охраной российских границ.

Основным видом хозяйственно-экономической деятельности казаков было земледелие. Уже в юности, начиная с 17 лет, каждый казак получал земельный надел от войска, который измерялся двумя-тремя десятинами. Надел выдавался в зависимости от того места, где была расположена станица, и от того, какого качества были вокруг нее земельные угодья. В самих казачьих войсках существовала особая система землепользования, которую можно определить как общинно-передельную. Особенность данной системы заключалась в том, что она содержала в себе два вида земельных угодий – паевые и общинные [1, с. 47]. Соответственно, общинная принадлежала всей общине, всему казачьему сообществу, а паявая – отдельным его членам. Как раз именно на общинной земле располагались выгоны, пастбища, из нее же нарезались наделы вновь прибывшим казакам, также на ней строились школы, церкви.

Другим важнейшим занятием казаков на Северном Кавказе было скотоводство. На большей части территории края существовали обширные пастбища, пригодные для выпаса скота. Последнего было достаточно много. Так, например, на Кубани к 1870 г. количество лошадей достигало нескольких сотен (около трехсот), а поголовья крупного рогатого скота – нескольких тысяч (около трех тысяч коров и быков). Разводили также и овец [2].

Земледелие и скотоводство играли определяющую роль в экономической жизни региона на протяжении длительного отрезка исторического времени: «Главные ветки частного хозяйства в войске составляют хлебопашество, скотоводство, рыболовство» [3, с. 124]. Если же речь шла о других сферах хозяйственной жизни, то в них наблюдалось явное отсутствие активности казачьего населения. Одним из таких видов экономической жизни была торговля. В Годовом отчете Кубанского казачьего войска указывается, что «...торговля в войске находится почти в младенческом состоянии. Кроме того что казачья служба препятствует ее развитию между войсковыми собственными жителями, но и по натуре своей казак неохотно сидит за прилавком» [4].

Казаки также активно занимались садоводством и виноделием. Но поскольку знатоков этого дела на Северном Кавказе было не так много, они были развиты достаточно слабо, хотя климатические условия в целом благоприятствовали этим занятиям. Практиковалось пчеловодство, которое получило относительно широкое распространение в Кубанской области.

Казачьему населению, осуществлявшему в крае свою экономическую и хозяйственную деятельность, приходилось непрерывно военным путем отстаивать на нее свое право. Это обстоятельство накладывало особый отпечаток на сознание жителей края. Оно закрепляло представление человека о земле как о преходящей ценности, данной ему Богом, которую тот в любой момент может изъять у него и передать в пользование другому. Поэтому казачьим населением Северного Кавказа отдавался приоритет военной службе, охране края и его границ. В представлениях казачества хозяйственная деятельность воспринималась как не столь важная часть повседневной жизни, нечто преходящее.

По этой причине казачество предоставляло основные тяготы хозяйственной жизни так называемому иногороднему населению, которое появилось здесь спустя некоторое время после первоначального заселения края. Для самих же казаков хозяйственная деятельность занимала подчиненное положение по отношению к военной службе: «Неизмеримыя действительныя степи, давшая возможность под охраной казачьих линий делать обширные запашки и содержать большое количество скота, мало-помалу стали привлекать сюда переселенцев, которые благодаря обилию земли и приволию пастбищ в короткое время достигли высококачественного благосостояния. Не таково было экономическое положение самих защитников...» [5, с. 289].

Издревле сложилось определенное функциональное распределение в крае иногородних и казаков. Казачье население отдавало предпочтение военной службе, в то время как пришлое население, не обремененное данной заботой, предпочитало хозяйственную деятельность. Так, в Годовом отчете Кубанского казачьего войска за 1862 г. о состоянии сельского хозяйства, промышленности и торговли в крае констатируется: «Причина недостатка земледелия в войске есть... неимение возможности свободно располагать временем по лежащим на войсковых жителях служебным обязанностям» [6, с. 124]. Вместе с тем казачество в Северо-Кавказском крае отчасти пыталось сохранить свои традиционные промыслы и виды хозяйственной жизни, несмотря на углубляющийся дисбаланс в пользу военной службы.

В представлении казаков торговля, различные виды обмена и предпринимательской деятельности не являлись приемлемой формой экономической жизни, поскольку они противоречат изначальным нравственным, ценностным и смысловым ориентациям казачьей общности. Помимо того что торговля была изначально чужда основной массе казачества, она не соответствовала тем традиционным хозяйственным сферам, которые присущи члену казачьего социума, – общины, корпоративной организации воинов, лишь в свободное время от воинской службы время занимающихся

землепашеством. Торгово-купеческая деятельность казаками оценивалась как «нечистая», не Богом данная, реализуемая по наущению дьявола. Истоки этих представлений находились в мировосприятии основной массы казаков-христиан. Сходные представления казачьего населения Северного Кавказа имели место и по отношению к началам политической жизни. Политическая жизнь основной массы населения края вполне соответствовала общинному, мирскому укладу, представляющему собой первичную традиционную форму социальной и общественной организации.

Община, согласно традиционным представлениям казаков, рассматривалась как большая единая семья с патриархальным укладом, принципом подчиненности младшего старшему, строгой вертикальной иерархией и субординацией «освященных временем». Как считает П. Кенез, традиционная община на Северном Кавказе сохранилась благодаря особым условиям, в рамках которых и существовало казачье население этого края. Именно они способствовали ее консервации и продолжению исторического бытия на столь длительный период [7].

Повседневная жизнь населения Северного Кавказа не только не разрушала подобные представления, но, напротив, служила стимулом к их укреплению и консервации на протяжении длительного исторического времени. В первую очередь этому способствовали жесткая военная дисциплина, строгая система внутриобщинных отношений. В общинной организации значительное место занимало патриархальное единоначалие, когда старший по званию был не только военным руководителем, но и высшим авторитетом в повседневных бытовых делах, в вопросах жизнедеятельности казачьего социума.

Этим представлениям соответствовал особый характер административного устройства казачьих областей. Например, в Положении об административном управлении в Кубанской области отмечалось: «Особенность административного устройства Кубанской области, составляющей нераздельную часть Российской империи, заключается в том, что гражданская и военная власть в ней находится в руках одного лица, стоящего во главе управления областью. Лицо это – начальник Кубанской области, он же и наказной атаман Кубанского казачьего войска, живет в Екатеринодаре. В военном отношении он пользуется всеми правами начальника дивизии, а в гражданской – властью приравнивается к власти губернатора» [8, с. 117]. Помимо освященного временем авторитета высшей власти, у казаков существовали традиционные институты регулирования отношений внутри собственного сообщества.

В процессе заселения и освоения территории Северного Кавказа не могли появиться новые формы организации общественной жизни, социального и политического устройства. Напротив, процесс переселения predetermined консервацию традиционных форм управления. Условия, с которыми столкнулись казаки, пришедшие осваивать Северный Кавказ, «были столь неестественны и ужасны, что, казалось, ими совершенно исключалось самое скромное человеческое существование, при мирной обстановке. Мирные люди не могли здесь жить, и мирная жизнь не существовала для русского человека. Не было ни семейного быта, ни хозяйства, ни промышленности, ни какой бы то ни было гражданственности» [9, с. 312].

Такие условия существования сохранялись и в дальнейшем, стимулируя и укрепляя традиционные формы социальной организации. Поскольку казачье сообщество не имело ни гражданского сознания, ни институциональной системы политической власти, то о политической деятельности или политической борьбе можно говорить в этом контексте весьма условно. Важнейшие политические вопросы общественной жизни решались в казачьем кругу в рамках общинного мира. «Способ заселения заранее определял и характер организации казачьего управления. Основной формой этого управления оставалась станица, как это искони велось на Дону» [10, с. 625].

В казачьих поселениях преобладала станичная форма организации. Участие в станичной жизни широких масс казачества представляло собой зачатки политической деятельности в регионе. Они были основаны на представлениях о равенстве прав, социальном единстве, начальственно-патриархальном авторитете. Эти представления на фоне отсутствия гражданского общества и партикулярного сознания играли важную роль в решении социальных проблем и задач, возникающих на различных этапах исторического развития казачьего этноса в регионе. Они были тесно связаны с системой религиозно-нравственных ценностей, сложившейся у казачьего населения на протяжении всей его истории. Эти ценности формировались на религиозной основе, соединенной в сознании их носителей с повседневными обычаями и нормами, принятыми в казачьей среде.

Мифологическо-обрядовая сторона, основанная на православии, соединенном с глубинными, уходящими в века еще языческими представлениями, играла существенную роль в жизни казачества и была фактором регулирования взаимоотношений индивида и общества. Так, Г.Д. Астапенко в своей статье «Из истории обычаев, обрядов и праздников донских казаков в XVIII–XIX вв.» обращает внимание на то, что «вера играла важную роль и в обычном праве. Снятие со стены иконы и целование ее считалось средством доказательства своей невинности. Во многих случаях вор не решался на такую клятву и признавался в преступлении. Старались не ругать вора, а желать ему добра. Служили молебны за его здоровье, чтобы его замучила совесть. Нередко это приводило воров к раскаянию» [11].

Наряду с этим данные представления нередко переходили в свою полную противоположность. Этот переход выражался в нарушении общинных традиций, религиозных, правовых норм, отходе от устоявшихся моральных и нравственных ценностей. Это заставляло местные власти всячески усиливать контроль над обществом. Так, в Секретном циркуляре от 1915 г. начальникам губернских и областных жандармских управлений Кавказского края от помощника по гражданской части Наместника Его Императорского Величества на Кавказе 27 июня 1915 г. № 2740 сообщалось: «...Губернаторам, военным губернаторам, начальникам областей и отдельных округов Кавказского края, одновременно с сим за № 2739 даны мною указания относительно самого тщательного подбора лиц сельской или станичной администрации в смысле безупречной их нравственности и политической благонадежности, наблюдения за ними со стороны надлежащих учреждений и удаления от должности тех из них, о коих окажутся неблагоприятные сведения...» [12, л. 38].

В 1914–1916 гг. органами политического контроля Российской империи на Северном Кавказе наблюдается активизация различных политических организаций революционного, антиправительственного характера. В частности, в циркуляре Управления отделения по охране общественной безопасности и порядка, предназначенном для офицеров отдельного корпуса жандармов, ведающих розыском, 6 мая 1916 г. сообщалось: «...Необходимо иметь в виду, что революционный элемент с одной стороны и внешние враги нашего Отечества – с другой, первые в целях подготовки революции в государстве, а вторые в видах ослабления военного могущества России, все время стремятся искусственно вызвать возбуждение рабочей массы, находя в этой среде благоприятную почву к развитию и осуществлению своих злонамеренных замыслов, а посему для освещения сферы их деятельности особенно необходимо направить силы розыска в эту область» [13, л. 44].

Тем не менее православие формировало мировосприятие и мировидение казаков, их основные миссии и картину мира. Оно было не только религиозным верованием, но еще и образом жизни, знаковой системой координат, с помощью которой человек проявлял свое отношение к окружающему миру и к изменениям в окружающей реальности. Мир обретал единство в семиотических конструктах, связанных с православным религиозным учением, повседневной системой ценностей, кодексом нравственных и моральных норм.

Как отмечает С. Римский в статье «Казачество и православие», «христианская вера стала основой глубокого традиционализма казачьей общины, суть которого понималась как служба Богу, царю и Отечеству. Через веру казак ощущал свое единство с православным миром, с детства усваивал определенные моральные и этические нормы. В различных исторических источниках казаки предстают перед нами как люди глубоко верующие. На протяжении столетий религия определяла их мировоззрение...» [14, с. 218]. Осваивая новые земли на Северном Кавказе, казаки начинали с того, что строили церковь. Деньги на ее постройку, как правило, выдавала воинская казна, но нередко бывало, что собирали их и сами казаки [15, с. 687]. За свои же средства они строили здания казачьего правления, а позже собирали деньги на их ремонт. Таким же способом строились и другие необходимые для казаков заведения. Все они возводились общими усилиями [16].

Казаки были не просто верующими людьми, в их представлениях судьба христианской веры и православия решалась в том числе и здесь, в их регионе, каждый день на полях сражений за веру. Вера же нуждалась в надежной постоянной защите от посягательств сил дестабилизации и хаоса, нередко имевших инокультурное, иноэтническое выражение. Борьба эта была одной из доминант существования человека в казачьей среде. В представлении казаков она шла постоянно, была всегда и существовала изначально. Человек с момента вступления в казачье войско должен был сделать выбор между пребыванием в истинной вере и ее защитой и принадлежностью к силам зла и хаоса, пытавшимся ее искоренить. «На ратном “Поле” боролось казацкое рыцарство за свою веру и свободу с мусульманским миром, и, благодаря беззаветной храбрости, крепости духа и отваге, рыцарство это в конце концов вышло победителем и вновь заняло свою древнюю прародину...» [17, с. 213].

Борьба за веру была одним из смыслов, определявшим результаты жизни человека. Каждый христианин был обязан быть членом православного воинства, ведущего борьбу за торжество божественной истины в повседневном земном существовании. Как отмечает Н. Недвига в работе «Рыцари православия. К вопросу о религиозных традициях в Кубанском казачьем войске», «казаки были не просто верующими, а “православными рыцарями”, т. е. защитниками христианской веры, готовыми живот за веру положить...» [18, с. 33].

Не только исторические факты и архивные документы свидетельствуют о четком осознании своего высокого долга перед верой и Отечеством, о понимании неразрывной связи поколений, но и богатый песенный фольклор казаков, их походные и лирические гимны. Несколько источников приводят следующее характерное свидетельство: когда «в церкви читалось Евангелие – войско вынимало наполовину сабли в знак готовности защищать церковь и словом и делом, т. е. с оружием» [19].

Вместе с тем нельзя не отметить наличие в казачьей среде альтернатив официальному православию, системе ценностей, освященных государственной властью. В локальных пределах Северного Кавказа такой альтернативой официальному государственному православию стало раскольниковство. На протяжении длительного времени раскольники пользовались в казачьей среде значительным влиянием. Учитывая определенные ментальные особенности местных жителей, раскольнические проповеди находили в Северо-Кавказском регионе благодатную почву. Уход в раскол казаков не столько был связан с их разочарованием в официальной доктрине православия, сколько служил одной из доступных форм социального протеста. Это означало, что человек разрывает свои связи с общиной-миром, ее системой ценностей и противопоставляет себя сложившейся общественной организации, которая не отвечает его нравственным и моральным принципам, принципам божественной благодати и Царства Божьего на земле.

Раскольническое учение в представлениях его последователей воспринималось как учение об истинности и справедливости, утраченных официальной церковью, скомпрометировавшей себя сотрудничеством с несправедливым государством и потерявшей первоизданную чистоту христианского учения.

В данном контексте принятие раскола представляло собой антитезу существованию человека в окружающем греховном и порочном мире, где нет божественной правды и где божественная воля попирается властью имущими. Иногда данные представления воплощались в конкретные действия, и тогда противостояние официальной церковной доктрине и государственной власти охватывало значительные массы населения края и становилось серьезной угрозой общественной стабильности в регионе. «Старое войсковое право самим выбирать церковнослужителей казаки удержали за собою, но только теперь стали выдвигать людей уже не из своей сферы, а из числа находящихся уставщиков, неведанных епархиальному начальству. Новые попы, никем не рукоположенные, часто простые бродяги, самовольно облачившиеся ради мирской выгоды в монашеский клобук и мантию, тотчас принялись устраивать в лесных дачах деревенских городков скиты и при них молельни, где ставили восьмиконечные кресты, иконы, только старого письма, где читали и пели по старопечатным книгам, ходили по солнцу и молились двумя перстами. Эти скиты, напоминавшие монастырь, обносились кругом, как бы в ограждении их от соблазнов мира, высоким тыном с одной узкой калиткой, где стоял привратник, не допускавший внутрь никого из непосвященных в тайны раскола» [20, с. 228].

Смена настроений местного населения от полной поддержки официальной церковной доктрины до полного ее неприятия происходила достаточно часто, но вместе с тем инверсионный характер общественной жизни в регионе никогда не давал возможности остановиться его жителям на том или ином варианте религиозного учения. Он неизменно обуславливал переход коллективного сознания из одной противоположности в другую.

Следование обычаям и обрядам являлось несложным путем познания мира, приобщения к его сакральной, священной сущности. Как отмечает А.А. Гордеев, «внутренний быт и войсковые порядки поддерживались на основе обычаев, передававшихся из поколения в поколение. Хранителями обычаев были старшее поколение и исторически сложившийся слой лиц, носивших название "войсковой старшина". Быт казаков был построен на патриархальности и уважении старших. Повиновение старшим поддерживалось обществом, виновные вызывались на общественный сбор, где производился разбор и виновный подвергался соответствующему наказанию» [21, с. 4].

Один из таких обрядов описывает в своей «Истории о донских казаках» первый историк казачества А.И. Ригельман: «На перед сего старшины и козаки Донские кои будут в великий пост на первой неделе, всегда на день православия, в Успенский собор приводимы и близ Священного собора поставляемы были для слышания соборного проклинания бывшим отступникам, еретикам, возмутителям, бунтовщикам... оставившим Веру и Церковь» [22, с. 195].

Обрядово-ритуальные действия совершались не только в качестве средства преодоления явлений, грозящих дестабилизацией социального единства существованию «простого» объяснимого мира. Они были частью повседневной жизни казаков. Некоторые из них имели место на протяжении длительного исторического времени. Они соответствовали тем мифологическим представлениям казачества, которые своими истоками уходили в языческое дохристианское прошлое и сохранялись в социогенетической памяти благодаря сходному с изначальным образу жизни, связанному с постоянными военными действиями. К подобным обрядам относится обряд поминания павших в бою воинов: Так, «ежегодно в станице служили торжественные панихиды по усопшим воинам и справляли тризны. Эти величественные обряды не имели аналогов среди остального русского населения» [23, с. 199].

Таким образом, повседневная жизнь казачества на Северном Кавказе представляла собой во многих отношениях парадоксальный синтез различных начал, которые накладывали специфический отпечаток на его быт и деятельность. В ряде случаев они носили, казалось бы, взаимоисключающий и противоречивый характер, однако вполне уживались в этой целостности. Так,

с одной стороны, казак был землепашцем и вел активную хозяйственную деятельность, с другой, он находился на государственной службе и был воином, призванным охранять границу и служить там, где посчитает нужным его войсковое начальство. Он был лично свободным и самостоятельно вел трудовую деятельность, но он был и ограничен рамками общины-мира с ее патриархальными и религиозными ценностями, которая определяла различные аспекты его существования. Такое положение особым образом влияло на мировоззрение и мировосприятие казаков, для него были характерны частая инверсия и смена различных состояний. От верноподданнического и религиозного настроения сознание казака переходило к бунтарскому духу и отказу от традиционных ценностей. Служение Царю и Отечеству могло закончиться бунтом и выступлением против войскового начальства. Тем не менее, несмотря на, казалось бы, такие крайние состояния и радикальные переходы, казачество с честью справлялось с возложенной на него Российским государством задачей вначале по заселению, защите его рубежей, затем его хозяйственному освоению и созданию благоприятных условий для ведения хозяйственной деятельности, установления гражданских начал. В конечном итоге деятельность казачества на Северном Кавказе, его миссия здесь по служению Отечеству позволила закрепить регион за Российским государством и существенно раздвинуть его границы.

Ссылки:

1. Ратушняк В.Н., Кумпан В.А. Северо-Западный Кавказ в условиях рыночной экономики. (Очерки социально-экономического развития. Начало и конец XX в.). Краснодар, 2007. 264 с.
2. ГАКК (Гос. арх. Краснодар. края). Ф. 353. Оп. 1. Д. 2656. Л. 13–15.
3. Хрестоматия по истории Кубани: документы и материалы. Ч. 1 / сост. Г.Т. Чучмай (отв. сост. и ред.), Т.И. Бондарева, Е.Г. Ботина и др. Краснодар, 1975. 406 с.
4. Там же.
5. Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801). Т. 1. Ставрополь, 1991. 383 с.
6. Хрестоматия по истории Кубани ... С. 124.
7. Kenez P. *Civil War in South Russia, 1918. The First Year of the Volunteer Army*. Berkeley, CA, 1971. 416 p.
8. Хрестоматия по истории Кубани ... С. 117.
9. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска : в 2 т. Т. 2. Екатеринодар, 1913. 848 с.
10. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска : в 2 т. Т. 1. Екатеринодар, 1910. 734 с.
11. Астапенко Г.Д. Из истории обычаев, обрядов и праздников донских казаков в XVIII–XIX вв. // Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 200.
12. ГАСК (Гос. арх. Ставроп. края). Ф. 1008. Оп. 1. Д. 302. Л. 38.
13. Там же. Д. 355. Л. 44.
14. Римский С.В. Казачество и православие: история // Дон. 1992. № 1–2. С. 218.
15. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.) : сб. док. Краснодар, 2001. 728 с.
16. ГАКК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1333. Л. 3–12 об.
17. Савельев Е.П. Средняя история казачества (историческое исследование). Ч. 2. Новочеркасск, 1916. С. 213.
18. Недвига Н. Рыцари православия: к вопросу о религиозных традициях в Кубанском казачьем войске // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1996. № 1. С. 31–33.
19. Там же. С. 31.
20. Потто В.А. Указ. соч. С. 228.
21. Гордеев А.А. История казаков : в 4 ч. Ч. 3. Со времен царствования Петра Великого до начала Великой войны 1914 г. М., 1992. 344 с.
22. Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов н/Д., 1992. 220 с.
23. Астапенко Г.Д. Указ. соч. С. 199.

References:

- Astapenko, GD 1993, 'Glimpses of History of Customs, Rituals and Holidays of the Don Cossacks in the 18th-19th Centuries', *Kazachestvo v istorii Rossii*, Krasnodar, pp. 199, 200, (in Russian).
- Chuchmay, GT, Bondareva, TI & Botina, EG (et al.) (comps.) 1975, *Readings on the History of the Kuban Region: Documents and Materials*, Part 1, Krasnodar, pp. 117, 124, (in Russian).
- Gordeev, AA 1992, *The History of the Cossacks*, in 4 parts, part 3, Moscow, 344 p., (in Russian).
- Kenez, P 1971, *Civil War in South Russia, 1918. The First Year of the Volunteer Army*, Berkeley, CA, 416 p.
- Nedviga, N 1996, 'Knights of Orthodoxy: Concerning the Religious Traditions in the Kuban Cossack Army', *Kuban: problemy kul'tury i informatizatsii*, no. 1, pp. 31-33, (in Russian).
- Orthodox Church in the Kuban Region (the Late 18th – Early 20th Centuries): Collected Reports* 2001, Krasnodar, 728 p., (in Russian).
- Potto, VA 1991, *Two Centuries of the Terek Cossacks (1577-1801)*, vol. 1, Stavropol, p. 228, (in Russian).
- Ratushnyak, VN & Kumpan, VA 2007, *North-West Caucasus in a Market Economy. (Essays on Social and Economic Development. The Early and Late Twentieth Century)*, Krasnodar, 264 p., (in Russian).
- Rigelman, AI 1992, *The History of the Don Cossacks*, Rostov-on-Don, 220 p., (in Russian).
- Rimsky, SV 1992, 'Cossacks and Orthodoxy: History', *Don*, no. 1-2, p. 218, (in Russian).
- Savelyev, EP 1916, *The Average History of the Cossacks (a Historical Research)*, part 2, Novochechassk, p. 213, (in Russian).
- Scherbina, FA 1910, *The History of the Kuban Cossack Army*, in 2 vols., vol. 1, Yekaterinodar, 734 p., (in Russian).
- Scherbina, FA 1913, *The History of the Kuban Cossack Army*, in 2 vols., vol. 2, Yekaterinodar, 848 p., (in Russian).